

книге, и отдельные спорные или недостаточно развитые положения не умаляют достоинства работы В. А. Александрова.

Советская историография обогатилась серьезной книгой по истории Сибири. Можно только пожалеть, что книга издана небольшим тиражом.

П. Павлов

Исследования по материальной культуре мордовского народа. Труды Мордовской этнографической экспедиции, вып. II, под редакцией В. Н. Белицер, К. А. Коткова. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия, т. 86, стр.

Сборник посвящен изучению хозяйства, традиционной пищи и домашней утвари, поселений и жилищ одного из крупных народов Среднего Поволжья — мордвы¹. Указанные вопросы до настоящего времени не нашли еще достаточно полного освещения в имеющейся исторической литературе, между тем изучение их дает дополнительный материал к этногенезу мордовского народа, позволяет выявить культурно-бытовые взаимосвязи мордвы с соседними народами — русскими, татарами, чувашами, показать развитие элементов материальной культуры в различных социально-экономических условиях. Важным является выяснение истории мелких этнических подразделений мордовского народа — каратаев, терюхан, теньгушевской мордвы и др.

Сборник написан на основании больших полевых данных, собранных во время многочисленных этнографических экспедиций, археологических раскопок, привлечения архивных и рукописных источников, музейных коллекций. В научный оборот введены новые материалы, представляющие значительный интерес для истории народов многонационального Среднего Поволжья. Все статьи сборника прекрасно иллюстрированы. К работе приложен словарь местных терминов на языках мокши и эрзи.

Обратимся к рассмотрению отдельных работ.

М. Ф. Жиганов в статье «Из истории хозяйства мордвы в XIII—XVI вв.», описывая сельское хозяйство, технику земледелия, скотоводство, ремесла и торговые связи, отвергает мнение некоторых историков XIX в. (Г. Перетяткович, Н. Фирсов и др.) о примитивном, застойном уровне хозяйства мордвы того периода, считавших, что даже после XVI в. оно базировалось на звероловстве и других первобытных промыслах. Приводимые автором материалы неопровержимо свидетельствуют о наличии у мордвы в тот период трехпольной системы земледелия, развитых сельскохозяйственных орудий, различных ремесел (особенно металлообработки), промыслов, говорят о широких торговых связях мордвы с русскими княжествами, булгарами и другими народами. Весьма убедительно показано М. Ф. Жигановым наличие у мордвы сложившейся феодальной собственности на землю. Однако некоторые высказывания автора о трехпольной системе земледелия и причинах ее появления в крае вызывают сомнение.

М. Ф. Жиганов согласен с А. В. Кирьяновым в том, что трехполье возникло у мордвы около X в. н. э. (стр. 29). Вместе с тем, на стр. 18 без должной аргументации утверждается, что «в XIII—XIV вв. трехпольная система земледелия... только начала внедряться». В работе проводится мысль о том, что «передовую по тому времени трехпольную систему земледелия мордва заимствовала от русских крестьян, бежавших в земли мордвы от тяжелого феодально-крепостнического ига». Однако в свете изложенных самим же автором материалов это положение нам представляется не вполне правильным. Если считать, что уже в X в. «у мордвы земледелие стало занимать ведущее место в хозяйстве» (стр. 7) и что на грани первого и второго тысячелетий «...мордовские земли стали районом относительно высокой земледельческой культуры и развитого скотоводства» (стр. 75), есть основания предполагать, что трехпольная система земледелия появилась не только вследствие заимствования от русских крестьян (кстати, с таким же основанием можно считать, что она была заимствована у булгар, с которыми у мордвы были тесные экономические связи), но и в результате самостоятельного развития на данной территории. В настоящее время, как известно, подтверждено мнение П. П. Ефименко, приводимое в работе (стр. 7), о том, что процесс пашенного земледелия проходил примерно одновременно во всей средней лесной полосе, в частности и в районах, заселенных мордвой. Нам думается, что русские крестьяне, засе-

¹ В сборнике помещены статьи: М. Ф. Жиганов, Из истории хозяйства мордвы XIII—XVI вв.; А. П. Новицкая и Т. П. Федянович, Сельскохозяйственные орудия мордовских крестьян в XIX — нач. XX в.; Е. И. Динес, Традиционная пища и домашняя утварь мордвы; Е. И. Горюнова, Развитие жилища у мордвы; Н. П. Макушин, Поселения мордвы на территории Мордовской АССР; В. Н. Белицер, Жилые и хозяйственные постройки мордвы-мокши на территории Мордовской АССР в конце XIX — первой половины XX в.; Н. П. Макушин, Современное эрзянское жилище на территории Мордовской АССР в конце XIX — первой половине XX в.; В. Н. Белицер, Обзор мордовских поселений и построек первой половины XX в. в районах, смежных с Мордовской АССР.

лявшие земли мордвы, способствовали лишь более широкому распространению трехпольной системы земледелия. Подобный процесс отмечен нами для восточных районов Среднего Поволжья — территории бывшего Казанского ханства.

На стр. 18—19 дается описание сабана и древней мордовской сохи, которая, по словам автора, была довольно совершенным орудием для мягкой пахоты (стр. 19). Чем же объяснить в таком случае, что в XIX в. у мордвы господствовали исключительно сохи с перекладной полицей и двумя перовыми сошниками, как и у соседних русских, о русском наименовании отдельных частей?

Вряд ли можно также согласиться с М. Ф. Жигановым и Н. П. Макушиным по вопросу об образовании зимниц. Не вызывает сомнения, что у мордвы были поселения в лесу, носившие названия зимниц, население которых занималось хлебопашеством. Однако высказанное положение, что «процесс образования зимниц был связан с постоянным стремлением лесного земледельца увеличивать пахотные земли» (стр. 25), — неверно. В Среднем Поволжье у многих народов (русских, марийцев, чувашей и др.) зимницы соорудили охотники, бортники, их ставили на лесоразработках, при «заводах» где гнали смолу, и т. д. Зимница была временным жилищем, связанным с зимней работой. Отсюда и ее название². Конечно, не исключена возможность, что со временем зимницы превращались в села и деревни, как, например, превращались в села и деревни умёты (постоялые дворы), возникавшие в XVIII в. в южных степных районах Среднего Поволжья. Однако считать, что возникновение умётов было связано с необходимостью расширения пахотных угодий, неверно.

В работе А. П. Новицкой и Т. П. Федянович дается характеристика сельскохозяйственных орудий мордовских крестьян в XIX — начале XX в. Подробно описаны соха, сабан, бороны, серпы, косы, приспособления для сушки хлеба и т. п. Авторы подчеркивают большое сходство сельскохозяйственных орудий мордвы и соседних русских крестьян. Сходство отмечено также в способах уборки урожая, молотбы, веяния, первичной обработки продукции. Все это — следствие совместного проживания на одной территории, длительных торговых, экономических и культурных связей. Авторы широко привлекают сравнительный материал по другим народам и показывают общие черты в технике ведения хозяйства у чувашей, татар, марийцев и др.

У нас вызывает лишь сомнение намечаемая авторами эволюция сушилок для хлеба от примитивного шиша к риге. Как известно, наиболее древней и широко применяемой снопусушкой у всех поволжских народов был шиш. Об этом писал еще И. Лепехин: «Они (татары, чуваш, мордва) также имеют особый род овинов, который называется шиш»³. Овин-снопусушка характерна для русских крестьян, от которых и заимствовали ее некоторые, преимущественно зажиточные крестьяне из местных народов в XIX в. Риги также появились на территории Поволжья не ранее второй половины XIX в. и встречались только у очень богатых крестьян всех национальностей. Основная масса мордовских крестьян продолжала сушить хлеб в традиционных сооружениях — шишах. Шиш широко распространился во второй половине XIX в. и у русских, что было связано с ухудшением экономического положения крестьян. Нам кажется, что мордовская деревня не являлась исключением и процесс также шел не по линии развития и усовершенствования традиционной снопусушки, а наоборот — ее сохранения. Отсюда и не совсем правильным является выражение на стр. 102, что «русские и мордва как бы обменялись типами зерносушилок».

Интересной является статья Е. И. Динес о традиционной пище и домашней утвари мордвы. Автор, опираясь преимущественно на полевые этнографические материалы, впервые описывает ряд традиционных кушаний, способы их приготовления. Значительное место уделено в работе обрядовой пище, являющейся, как известно, наиболее консервативной, а потому представляющей особый интерес для изучения.

Рассмотрение вопроса проводится автором в историческом плане. Широко привлекаются аналогичные материалы по другим народам Поволжья. Е. И. Динес показывает, что несмотря на некоторые различия в ассортименте кушаний и способах их приготовления у различных групп мордвы, всем им свойственны общие, исконные традиции. Автор прослеживает общность и с другими народами Поволжья и объясняет ее как следствие одинаковой хозяйственной деятельности и тесного культурного и экономического общения.

В статье Е. И. Горюновой «Развитие жилища у мордвы» отмечается наличие у предков мордвы двух типов жилищ: наземных и полужемлячных. Как известно, Н. Н. Харузин считал, что первобытным жилищем финно-угров была легкая наземная постройка типа шалаша. Однако анализ археологических материалов и некоторых данных арабских путешественников позволил автору считать, что у предков мордвы наряду с легкими постройками с давних пор существовали и прочные полужемлячные жилища. Оба эти типа, как отмечает Е. И. Горюнова, у финно-угров развивались параллельно, причем наиболее распространенными были полужемлячные жилища. Лег-

² В. Даль, Толковый словарь, т. 1, М., 1956, стр. 683.

³ И. Лепехин, Дневные записки путешественника по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 гг., ч. I, СПб., 1772, стр. 146.

кие же наземные постройки являлись сезонными и промысловыми. Автор подтверждает это многочисленными примерами. Е. И. Горюнова считает, что для создания полной истории мордовского жилища и выявления его локальных разновидностей необходимо дальнейшее накопление археологического и этнографического материала.

В статье Н. П. Макушина описываются поселения мордвы на территории Мордовской АССР. Характеризуя различные типы и формы поселений, автор дает дополнительный материал по истории края, а также показывает преобразования, происшедшие в общем облике мордовских селений за годы Советской власти.

В статье, на наш взгляд, имеются некоторые неточности.

На стр. 151 Н. П. Макушин указывает, что «с развитием земледелия мордовские поселения стали основываться и на водоразделах». В действительности водораздельные поселения — это более поздний тип заселения (не ранее второй половины XIX в.), появление которых связано с развитием железнодорожного транспорта, разработок полезных ископаемых, строительством промышленных предприятий. На стр. 152 не ясно также, почему притрактовые поселения должны быть непременно водораздельными. Наоборот, притрактовые поселения в прошлом никогда не возникали на водоразделах. Их обычно ставили около речки, ручья, в какой-либо низине с неглубоким уровнем залегания грунтовых вод. Н. П. Макушин считает, что «круговые поселения... являются наиболее древними» (стр. 152). Однако в свете приведенных в статье материалов вряд ли с этим можно согласиться. Автор пишет, что круговые поселения были торговыми и административными центрами, возникали вокруг церкви и церковной усадьбы и т. д. Это еще не дает оснований считать эти поселения наиболее древними. Более древней, по-видимому, являлась беспорядочная планировка (кучевая), когда расселение происходило родственными коллективами. Отдельные концы селения или «кучи» домов занимали патронимические группы.

Нам думается, что Н. П. Макушин неправильно объясняет и возникновение радиальных поселений. По его мнению, направление улиц «определяется проходящими через селение дорогами» (стр. 155). В действительности дороги, выходящие из селения, появились позднее, чем улицы (исключение представляют лишь притрактовые поселения, возникшие вдоль дороги). Возникновение радиальных планировок, как мы можем судить на основании изучения русских населенных пунктов Среднего Поволжья, было связано с наличием в крае мелкопоместного землевладения. Неясно, почему сейчас господствующим типом мордовских селений стало село (стр. 159). На территории Среднего Поволжья, например, в ряде случаев производственные и культурно-бытовые помещения, правление колхоза и др. (которые, по мнению Н. П. Макушина, определяют тип поселения — села) находятся в населенных пунктах, являвшихся в прошлом не селами, а деревнями.

В работе следовало бы сказать о перспективе развития мордовских селений, превращения их в укрупненные населенные пункты городского типа с благоустроенными жилыми домами, бытовыми предприятиями, культурными учреждениями и т. д.

В статье В. Н. Белицер дается обстоятельная характеристика жилых и хозяйственных построек мордвы-мокши на территории Мордовской АССР в конце XIX — первой половине XX в. Автор очень детально описывает традиционное мокшанское жилище, показывает его изменение в конце XIX — начале XX в. в связи с развитием в деревне капиталистических отношений, отмечает положительное влияние русского населения, благодаря чему в жилище мордвы-мокши исчезли многие архаические формы.

В настоящее время, как отмечает В. Н. Белицер, «в домостроительстве мокшанских деревень наблюдаются те же процессы, что и в соседних русских районах». Рассматривая мокшанские постройки на протяжении столетия, автор приходит к выводу, что часть их, расположенная в южных районах Мордовской АССР, более близка к постройкам южных великороссов, а селения, расположенные в северо-западных районах, — средних великороссов. По-видимому, это связано с непосредственным влиянием русского населения.

Нам думается, что в работе следовало сказать о происхождении различных форм связи дома с надворными постройками. Вызывает сомнение наличие в середине XIX в. однородной связи, о которой пишет В. Н. Белицер (стр. 178). Скорее всего, это не типичная однородная связь, характерная, как известно, для северных и верхневолжских районов нашей страны, а лишь некоторое подобие однородной связи, появившейся в результате сокращения надворных построек вследствие обеднения деревни и разорения крестьян во второй половине XIX в. Вместе с тем, следовало бы отметить появление однородных дворов, в настоящее время обусловленных совершенно другими социально-экономическими факторами. Небольшую пристройку к дому сейчас обычно делают рабочие и служащие, живущие на территории сельского населенного пункта, но работающие в соседних промышленных предприятиях и учреждениях. Однако вряд ли такую пристройку можно считать «однородной связью».

В статье «Современное эрзянское жилище на территории Мордовской АССР» Н. П. Макушин анализирует процессы, протекающие в жилище эрзянских колхозников, и показывает некоторые перспективы его дальнейшего развития. К сожалению, статья, по-видимому, написана по материалам 1950-х гг., а потому ее отдельные положения

сейчас едва ли правильны. Например, автор пишет, что «дома для семей воинов, погибших на фронтах Великой Отечественной войны, возводятся колхозными строительными бригадами». Вряд ли есть сейчас на селе семьи погибших, которым до настоящего времени не был бы построен дом. Нельзя согласиться и с таким устаревшим утверждением, что «из быта колхозного крестьянства ушел светец. Лучину заменила керосиновая лампа, а в последние годы все шире внедряется электричество». Так, пожалуй, можно было писать в первые послевоенные годы, но не сейчас, когда полностью электрифицированы совхозы и близится к завершению электрификация колхозов.

В работе недостаточно статистических данных. Больше фигурируют термины «много», «мало» и т. д. Это относится к материалу покрытий, наличию каменных домов и др.

Современное жилище описано неполно. Как мы можем судить по соседним районам, где живут русские, в каждом населенном пункте много интеллигенции, рабочих и служащих, у которых обстановка жилого помещения мало отличается от городской квартиры. Нам думается, что Мордовия в этом отношении не составляет исключения. Очень неудачно сформулирован тезис о том, что «современное мордовское жилище коренным образом отличается от дореволюционной черной избы» (стр. 205). В действительности, современное жилище коренным образом отличается не только от курной избы, но и от избы первых лет коллективизации. В работе не ясен также тип покоеобразной застройки, бытовавшей у мордвы-эрзи. На стр. 207 Н. П. Макушин пишет, что традиционная планировка усадьбы (дом, стоящий внутри усадьбы, среди двора, окнами во двор) во второй половине XIX в. сменилась двурядной связью с покоеобразной застройкой. Между тем известно, что двурядная связь и покоеобразная застройка не одно и то же.

В заключительной статье сборника В. Н. Белицер дает обзор мордовских поселений и построек первой половины XX в. на территории Горьковской, Ульяновской, Куйбышевской, Оренбургской, Пензенской областей и Татарской АССР. В результате тщательного изучения построек в указанных районах и анализа большого статистического материала (итоги статистического обследования приведены в работе) автор выявляет три группы жилых домов и хозяйственных строений.

Характеризуя указанные группы, В. Н. Белицер приходит к выводу, что жилище и хозяйственные постройки мордвы, живущей за пределами своей республики, не имеют каких-либо специфических особенностей. Имеющиеся различия не существенны и связаны преимущественно с природно-географическими и экономическими факторами.

Вызывает лишь сомнение наличие у мордвы-каратаев полихромной раскраски, воспринятой ими, по мнению В. Н. Белицер, от татар, (стр. 218). В действительности у татар правобережных районов, живущих по соседству с мордвой-каратаями, полихромной раскраски не было в прошлом, нет ее и сейчас. Полихромная раскраска наличников у соседних русских, по-видимому, как и у каратаев, сравнительно позднее явление, связанное с городским влиянием.

На стр. 235 указывается, что постройки сел Старый Байтермиш и Малый Толкай (Куйбышевская область) отличаются от построек сел Горьковской, Ульяновской областей и Татарской АССР. Для первых характерны черты, свойственные южным великороссам. Внутренняя же планировка, как пишет В. Н. Белицер, устойчиво продолжает оставаться среднерусской. Было бы интересно показать, чем это обусловлено. Влиянием ли природно-географических условий или культурно-бытовым воздействием южных великороссов, широко расселенных в указанных районах.

Таковы наши замечания. Некоторые из них являются дискуссионными, а потому ни в какой мере не умаляют большого значения выпущенной книги. Работа, несомненно, явится настольным пособием археологов, этнографов, историков Поволжья, окажет большую помощь не только специалистам, занимающимся изучением культуры и быта народов нашей страны, но и широкой общественности.

Е. Бусыгин, Н. Воробьев

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

I. Schwidetzky, *Die vorspanische Bevölkerung der Kanarischen Inseln. Anthropologische Untersuchungen*, Göttingen—Berlin—Frankfurt, 1963, стр. 123.

Антропологический тип населения Канарских островов до эпохи испанской колонизации являлся неоднократно предметом исследования. Здесь в первую очередь нужно назвать Р. Верно, Д. Бэра, Э. Хутона и Ф. Фалькенбургера, описавших значительный краниологический материал из пещер, служивших местному населению местами погребений. Особенно обстоятельна большая работа Э. Хутона. Тем не менее, новое исследование И. Швидетцкой значительно обогащает имеющиеся данные и представляет собою огромный вклад в антропологию Канарских островов.

Автор изучила все краниологические коллекции, хранящиеся в музеях на Канарских островах, а также материалы Музея человека в Париже. Таким образом, ею практически исчерпаны существующие данные, в том числе и происходящие из новых рас-